

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА ЧЕРНЯЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков Департамента иностранных языков
Экономический университет – Варна (Варна, Болгария)
tortue@abv.bg

КОМИЧЕСКОЕ У С. ДОВЛАТОВА (взгляд фольклориста)

А н н о т а ц и я . Статья посвящена фольклорной составляющей комического у С. Довлатова, результатам ее изучения литературоведами и еще не раскрытому потенциалу фольклористического подхода к проблеме. Исследователи сходятся во мнении, что фольклорное начало комического у С. Довлатова проявляется в первую очередь в обращении к народному анекдоту и «маргинальным» фольклорным персонажам (неудачникам, трикстерам, лентяям и т. д.). Наши дополнения включают использование автором паремий и афоризмов, их нарративизацию в смеховом и серьезно-смеховом режиме; анализ стоящих за паремиями ключевых для С. Довлатова этнокультурных концептов ('судьба', 'богатство' – 'бедность', 'лень' и пр.); выявление роли повтора (в виде восходящей или нисходящей градации) как на словесном, так и на мотивном уровне; принципы подбора поэтонимов и их функцию в создании смехового эффекта. Данные положения проиллюстрированы микросюжетом из повести «Иностранка» (история обогащения Аркадия Лернера после эмиграции в США).

К л ю ч е в ы е с л о в а : С. Довлатов, комическое, фольклоризм, этнокультурные концепты, паремия, нарративизация, поэтонимы, смеховая трансформация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Черняева Н. Г. Комическое у С. Довлатова (взгляд фольклориста) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 64–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.789

ВВЕДЕНИЕ

Тема нашей статьи вполне укладывается в традиционную, но не теряющую своей актуальности проблематику фольклоризма русской литературы. Одним из первопроходцев в этой области была И. П. Лупанова, докторская диссертация которой «Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века» (1961), основанная на монографии с тем же названием (1959), стала, по словам С. М. Лойтер, «первым обобщенным исследованием о русской литературной сказке и единственной тогда большой работой о влиянии народной сказки на писателей первой половины XIX века»¹. Важный аспект этой проблемы – выявление фольклорных истоков комического в литературных текстах. Среди основополагающих трудов в этом направлении – классические структурно-семиотические исследования по фольклору, этнографии (этнологии) и мифологии, статьи и монографии выдающихся отечественных ученых, посвященные народной (включительно и русской) смеховой культуре (М. М. Бахтин, В. Я. Пропп, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко). Свой вклад в это направление внесла и статья И. П. Лупановой о «смеховом мире» русской волшебной сказки [6].

Фольклор (как традиционный, так и современный) все чаще рассматривается как прецедентное или интертекстуальное явление по отношению к авторскому искусству. Это позволяет в рабочем порядке использовать такие, например, термины, как текст-донор (в случае с фольклором точнее было бы – система-донор), текст-реципиент; в теории интертекстуальности Ж. Женетта – типы связей с исходным текстом («трансформация и имитация») и дополнительные классификаторы – «режим», а также его виды – основные (игровой, сатирический и серьезный) и промежуточные (юмористический, иронический и полемический) [20: 34–39].

Применение методов лингвоконцептологии при исследовании проблемы фольклоризма в литературе позволило поднять уровень абстрагирования и заняться проблемой индивидуально-авторского освоения (в том числе комического) тех или иных этнокультурных концептов.

Предварительные наблюдения над фольклорно-мифологическими истоками комического у С. Довлатова можно обобщить в следующих положениях, часть из которых затем будет конкретизирована на материале истории Аркадия Лернера из повести «Иностранка» (1986).

АНЕКДОТ И ДРУГИЕ СМЕХОВЫЕ ЖАНРЫ-ДОНОРЫ КОМИЧЕСКОГО У С. ДОВЛАТОВА

Исследователи единодушно признают ведущую роль анекдота (парадоксальность и абсурдизм, закон пуанты и т. д.) в формировании комического у С. Довлатова. В первую очередь мы имеем в виду работы Е. Курганова [4], Н. С. Выгон [1], Н. А. Орловой², Л. Сальмон [10], И. Н. Сухих [12]. Отмечаются также присущие прозе С. Довлатова разворачивание анекдота и других фольклорных жанров (бытовой сказки, байки) в рассказ или повесть и обратный процесс их компрессии в анекдот (см. «Записные книжки») [4], [12]. Е. Курганов обратил внимание на использование С. Довлатовым фольклорного принципа циклизации анекдотов и других смеховых жанров в «Филиале» и «Иностранке». В зависимости от фольклористической компетенции исследователей в той или иной мере осознается размытость границ ряда фольклорных жанров-доноров (бытовой / новеллистической сказки, сказки-анекдота, или анекдотической сказки, байки и т. д.), препятствующая выяснению того, какие их жанровые особенности проигнорированы автором или, напротив, освоены им и каким образом (путем трансформации или имитации, в смеховом, серьезном или смешанном режиме). Образцом в изучении фольклорного генезиса литературных текстов (новеллы) является монография Е. М. Мелетинского [7].

ТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ, МОТИВЫ / ФУНКЦИИ, ТИП НАРРАТИВА

Ни у кого из исследователей не вызывают сомнений фольклорно-мифологические корни доминирующего у С. Довлатова маргинального персонажа – «героя, не подающего надежд» (Е. М. Мелетинский) – неудачника, лентяя, дурака-чудака, плута (трикстера) (см., например, [1: 298], примеч. 2). Исключительно редко автор обращается к героическим фольклорно-мифологическим прототипам – богатырю (дед автора-рассказчика Исаак из сборника «Наши») и богоборцу («дед по материнской линии» из того же сборника), актуализируя их в смешанном, серьезно-комическом режиме (особенно это касается богоборца) [15]. Отметим, что именно категория негероического, «низкого» (в ее фольклористическом понимании) является главным типологическим признаком апокрифной (неофициальной) смеховой советской литературы, определяя тип ее главных героев [19] и тип нарратива (пикареска, травелог, симпозион и даже роман-анекдот, как «Чонкин» В. Войновича). Достаточно вспомнить Ивана Чонкина В. Войновича, Ваню

Чмотанова Н. Бокова, героев Юза Алешковского и Вен. Ерофеева. Обращение к указанным фольклорно-мифологическим типам персонажей изначально предполагает использование присущего им комического начала. И это ожидание тексты С. Довлатова вполне оправдывают. Так, например, если речь идет о трикстерах, то это добывание чего-либо, чаще всего дефицитных в советское время благ (сборник «Чемодан») при помощи обманных трюков (например, занятие фарцой, как в «Креповых финских носках», или остроумная кража, как в «Номенклатурных полуботинках»), удачные или провальные попытки изменить свой социальный и имущественный статус.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ

Для поэтической антропонимики С. Довлатова характерно игровое, в том числе комическое, начало [12: 191]. Другой вопрос, насколько оно архетипично. Любопытно с этой точки зрения слова автора-рассказчика, основанные на его индивидуальных ассоциациях:

«Согласитесь, имя в значительной степени определяет характер и даже биографию человека.

Анатолий – почти всегда нахал и забияка.

Борис – склонный к полноте холерик.

Галина – крикливая и вульгарная склочница...»³.

Далее будет рассмотрен случай (история Аркадия Лернера), когда автор вольно или невольно использует типично фольклорно-мифологический принцип разворачивания в тексте имени персонажа, точнее – его этимологии. В приведенных выше примерах мы усматриваем следы такого рода подхода.

ПАРЕМИИ, АФОРИЗМЫ, ФИЛОСОФЕМЫ, МЕТАФОРЫ

С. Довлатов часто обращается к различного рода лингвоментальным клише – метафорам, паремиям, афоризмам, идеологемам, философемам и т. д., играющим роль текстовой матрицы. Так, отправной точкой для развития повествования в большинстве рассказов из сборника «Наши» выступают метафоры и афоризмы, перешедшие из разряда авторских в область анонимной народной мудрости: «В здоровом теле – здоровый дух!» (история дяди Романа), «Жизнь – это книга», «Жизнь – это путь» (рассказ о тете Маре, см. ее анализ [16]), «Вся жизнь – театр, а люди в нем актеры» (глава об отце героя-рассказчика). Показательно в этом отношении сюжетно-композиционное разворачивание философем экзистенциализма, в частности высказывания Ж.-П. Сартра о том, что у человека есть выбор, даже в тюрьме (см. историю двоюродного бра-

та Бориса, которого жизнь превратила в уголовного [17]).

Как известно, «нарративизация паремий» (Е. М. Мелетинский) и, шире, тех или иных форм языковой стереотипии имеет фольклорный генезис. Наиболее очевидно она проявляется в баснях, назидательных и, реже, новеллистических сказках, где паремия или другое клише, присутствующее в тексте или же выводимое из него, развертывается в нарратив. При этом между клише и текстом могут устанавливаться отношения той или иной степени соответствия или несоответствия, в том числе комического характера. Как многократно отмечалось, формы стереотипии у С. Довлатова трансформируются главным образом в юмористическом, ироническом и гротескно-абсурдистском режимах, демонстрируя тем самым отказ от жесткого, сатирического и пародийного осмысления стоящей за ними культурной традиции.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ «НАИВНОЙ» КАРТИНЫ МИРА

За паремиями, афоризмами и другими типами клише кроется определенный этнокультурный или индивидуально-авторский концепт, который становится объектом освоения в тексте-реципиенте. Анализируя комическую трансформацию пословиц, поговорок, языковых метафор и др. у С. Довлатова, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью перейти на уровень глубинных структур, которые они обслуживают, то есть лингвокультурных и фольклорных концептов.

ПОВТОРЫ

С. Довлатов не просто использует, но и педалирует ряд поэтических приемов, присущих фольклорно-мифологическим текстам. В первую очередь это намеренные повторы на лексическом и синтаксическом уровнях по преимуществу анафорического типа, а также неоднократное варьирование ключевых мотивов. Вместе с тем С. Довлатов избегал буквенно-фонетических повторений в пределах предложения. Так, по словам А. Арьева, «у Довлатова нет ни одного предложения, где слова начинались бы с одинаковых букв»⁴. Близки этому и наблюдения И. Ефимова⁵.

Что касается языковых клише, то авторская рефлексия по их поводу выражается в форме варьируемых повторяющихся мотивов, выступающих как реакции на эти клише. Несмотря на то что окончательный приговор С. Довлатова тем или иным истинам не эксплицируется в тексте, он без труда выводится читателем.

В его текстах мотивы, «обслуживающие» определенную паремию, располагаются по нарастающей или убывающей того или иного стержневого признака, то есть, если воспользоваться термином риторики, в виде градации (восходящей или нисходящей) или градационного повтора. Парадигматическое и синтагматическое развертывание указанных клише, сопровождающееся педалированием этого приема, – один из способов создания комического эффекта. Показательны в этом отношении упомянутые главы из сборника «Наши».

Фольклористический взгляд на повторы в литературном тексте наводит на мысль о таком виде повторов, как фольклорная кумуляция. В. Я. Пропп подчеркивал, что именно «многократное повторение одних и тех же действий или элементов» до тех пор, пока «созданная таким образом цепь не порывается или же не расплетается в обратном порядке», и является «основным художественным приемом» кумулятивных сказок [9: 243]. Исключительно важна мысль ученого о том, что сказки данного типа

«строятся не только по принципу цепи, но и по самым разнообразным формам присоединения, нагромождения или нарастания, которое кончается какой-нибудь веселой катастрофой» [9: 243].

Впрочем, судя по примерам, конец может быть и гибельным, но он всегда неожиданный. При анализе микросюжета из повести «Иностранка» мы во многом ориентировались на эти выводы. И, наконец, снимается с повестки вопрос об использовании С. Довлатовым фольклорной стилизации в любом из режимов – серьезном, комическом или смешанном.

Сюжет о жизни Аркадия Лернера до и после эмиграции состоит из компактного текста, отделенного пробелами от других историй (глава 1 «Сто восьмая улица»), и продолжения, расположенного через значительный текстовый интервал, в заключительной главе «Ловите попугая!». Часть его (микросюжет), на которой мы сосредоточим внимание, посвящена истории превращения героя из бывшего советского кинорежиссера в богатого торговца недвижимостью в Америке. Для наглядности представим сюжет об Аркаше Лернере в виде следующей схемы с краткими комментариями внутри групп мотивов и последующими подробными – вне их. Обозначим микросюжет об обогащении героя как **М**; труд / работу – **Т**; лень – **Л**; богатство / деньги – **Б/Д**; богатый – **б**; бедность – **Н**; бедный – **н**; судьба – **С** (благосклонная к человеку – **С+** и враждебная – **С-**).

Сюжет о жизни Аркадия Лернера в СССР и США

(глава 1 «Сто восьмая улица»)

Р (р – родина). Жизнь в СССР до эмиграции. «Крепкий профессионал» Аркадий Лернер – режиссер на белорусском телевидении. Его жена – диктор на телестудии. «Лернеры жили дружно и счастливо. У них была хорошая квартира, две зарплаты, сын Мишаня и автомобиль» (Довлатов: III, 17).

Составляющие счастливой жизни (С+) на родине (р), источник которой – труд, работа (Тр → Бр). Иронизирование над советским стереотипом жизненного благополучия, в особенности материальными его знаками (хорошая квартира, автомобиль).

Э (э – эмиграция). «В Америке Лернер около года пролежал на диване (Л1). Его жена работала продавщицей в “Александрсе”. Сын посещал еврейскую школу» (Довлатов: III, 17).

«Лернер мечтал получить работу на телевидении». При этом он «не выдавал себя за бывшего лауреата государственных премий», не заявлял о себе как диссиденте, «не утверждал, что западное искусство переживает кризис» (Довлатов: III, 17–18).

Лернер проваливает встречу с продюсером, предлагающим ему «заняться экранизацией русской классики» (Довлатов: III, 18).

Лернер – «нетипичный эмигрант», отказывающийся от общепринятых моделей успешного поведения в эмиграции (парадоксальное поведение). Прототип – фольклорный лентяй и дурак / чудак.

Микросюжет о том, как разбогател Аркаша Лернер

М1. «Лернер еще три месяца пролежал без движения. При этом следует отметить, что его финансовые дела шли неплохо» (Довлатов: III, 18) (Л2 не мешает росту Бэ).

М2. «Видимо, Лернер обладал каким-то специфическим даром материального благополучия (Б как С+). Вообще, я уверен, что нищета и богатство – качества прирожденные. Такие же, например, как цвет волос или, допустим, музыкальный слух. Один рождается нищим, другой – богатым» (Довлатов: III, 18–19). (Н как С-, Б как С+).

Далее следуют примеры: «Бедняки при любых обстоятельствах терпят убытки», «а у богатых все наоборот» (Довлатов: III, 19) (н всегда н, б всегда б).

М3. «Видимо, Лернер родился заведомо состоятельным человеком (Б как С+). Так что деньги у него вскоре появились» (Довлатов: III, 19).

Серия финансовых удач

М3.1. «Сначала его укусил ньюфаундленд, принадлежащий местному дантисту (вредительство). Лернеру выплатили значительную компенсацию (приобретение Б1/Д1). **М3.2.** Потом Лернера разыскал старик, который накануне империалистической войны занял у его деда три червонца. За семьдесят лет червонцы превратились в несколько тысяч долларов (приобретение Б2/Д2). **М3.3.** После этого к Лернеру обратился знакомый:

– У меня есть какие-то деньги. Возьми их на хранение. И если можешь, не задавай лишних вопросов.

Деньги Лернер взял. **Вопросы задавать ленился (Л3).**

Через неделю знакомого пристрелили в Атлантик-Сити (приобретение Б3/Д3).

М3.4. В результате Лернер приобрел квартиру (приобретение Б4 с помощью Тэ). **М3.5.** За год она второе подорожала (Б5/Д5). **М3.6.** Лернер продал ее и купил три других (Б6/Д6). **М3.7.** В общем, стал торговать недвижимостью... (Тэ → Б7/Д7, подразумевается дальнейшее приумножение Б/Д).

С дивана он поднимается все реже (Л4). Денег у него становится все больше (Б8/Д8 → приумножение; несмотря на увеличение Л, растет Б). Тратит их Лернер с размахом. В основном на питание.

За двенадцать лет жизни в Америке он приобрел единственную книгу. Заглавие у книги было выразительное. А именно – «Как потратить триста долларов на завтрак»...

После завтрака Лернер дремлет, отключив телефон. Даже курить ему лень...» (Л5) (Довлатов: III, 20).

Заключительная часть микросюжета об обогащении героя

(глава 10 «Ловите попугая!»)

М4. Продолжение истории обогащения Аркадия Лернера входит в смеховую парадигму «новостей дня» – бурных и масштабных международных событий и спокойных местных эмигрантских: «Аркадий Лернер приобрел на гараж-сейле за три доллара железный вентилятор, оказавшийся утраченным шедевром модерниста Керико» (Довлатов: III, 105) (Б7/Д7; рост Б/Д, предположительно, до бесконечности).

КОНЦЕПТОСФЕРА СЮЖЕТА ОБ АРКАДИИ ЛЕРНЕРЕ

Ее ядро образуют пары оппозитивных концептов ‘богатство’ – ‘бедность’, ‘труд’ / ‘трудолюбие’ – ‘безделье’ / ‘лень’, ‘везение’ – ‘невезение’, ‘счастье’ – ‘несчастье’. В сюжете об Аркадии

Лернере особенно разнообразно вербализовано 'богатство', причем исключительно в своем материальном воплощении («деньги», «финансы», «значительная компенсация», «червонцы», «несколько тысяч долларов», «подорожала», «купить», «финансовые дела шли неплохо» и пр.). Гораздо скромнее вербализована 'бедность' («нищий», «бедняки», «терпят убытки» и т. д.). Сверхконцептом по отношению к 'богатству' и 'бедности' является 'судьба', представленная описательно (перифрастически), через высказывание о врожденности / предопределенности таких качеств, как богатство и бедность.

Отметим, что 'судьба' принадлежит к числу ключевых для С. Довлатова концептов, что вполне осознается исследователями его творчества. Так, лексема *судьба* неслучайно вынесена в заглавие ряда посвященных ему работ: см. монографию И. Сухих «Сергей Довлатов: время, место, судьба» [12] и название международной конференции: «Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба», начиная с 1999 года. 'Судьба' у С. Довлатова связана с другим ключевым для писателя концептом – 'жизнью', что согласуется с русской этнокультурной традицией.

Ю. Л. Форофонта определяет 'судьбу' как «поликонцепт», поскольку он репрезентируется «на базовом уровне несколькими лексемами сходной семантики», уточняющими специфику каждой из репрезентаций 'судьбы'. В 'судьбе', как полагает исследователь, отражаются два мироощущения – «оптимистическое» и «пессимистическое». Лексические репрезентанты первого – *фортуна, счастье, успех, проведение, планида* (устар.), второго – *участь, удел, жребий, доля, рок, фатум, карма* (соврем.)⁶. В системе наших обозначений это С+ и С-.

Представление о 'судьбе' как о «высшей силе», как о чем-то, «данном Богом», «как неизбежности» [13: 243–244] закреплено в поговорках и сказках. В указателях сказочных сюжетов и мотивов называемые условно «сказки о судьбе» и «счастье по случаю» даже выделены в отдельные подтипы. 'Судьба' – определяющее начало в бытовой / новеллистической, включительно и русской, сказке, где «место волшебных сил занимают собственный ум героя и его счастливая судьба», а тип героя колеблется «между сообразительным хитрецом и удачливым простачком» [7: 28]. Эти характеристики наследует и вышедшая в том числе из бытовой сказки новелла [7: 42]. Тот же генезис имеет 'судьба' и сопутствующие ей концепты в прозе С. Довлатова.

'Богатство' и 'бедность' входят в концептуальное поле 'судьбы': первый концепт относится

к С+, второй – к С-. С этой точки зрения, которая может быть конкретизирована с помощью функций сказочного героя В. Я. Проппа, интерес представляет этимология слов *богатство* (от *бог*⁷) и *бедность* (очевидно, от *беда*⁸). Она указывает на связь богатства с дарением тех или иных благ Богом или предками, тотемическими покровителями, как в сказках (функция дарителя, помощника-дарителя), а бедности – с их лишением (функция вредительства [3: 110–112]), соответственно, с добром и злом, судьбой как счастьем и как горькой долей / участью. Это подтверждается данными не только русской, но и других славянских традиций⁹.

Богатство и счастье в русской наивной картине мира могут стать наградой за труд (*Чтоб богато жить, надо труд любить. Где есть труд, там и счастье будет*). Актуализация этих паремий – счастливая и дружная жизнь Лернера в СССР (Р). В то же время в русской этнокультуре, как уже говорилось, богатство может стать подарком судьбы и в целом не зависит от человека, хотя все же требует от него хотя бы минимальных усилий. Предполагаем, что выбор С. Довлатовым именно этого варианта продиктован тем, что модель жесткой рациональной зависимости между трудом и его результатом (что доминирует, например, в западноевропейских культурах, в частности в английской¹⁰) имеет скромный смеховой потенциал. Другое понимание судьбы, содержащее случай и чудо, как иррациональные, не зависящие от человека внешние факторы, в то же время дополняемые личностными творческими качествами человека (смекалка, ловкость и т. д.), напротив, в силу именно своей непредсказуемости и вариативности, обладает довольно богатыми смеховыми возможностями. В микросюжете об обогащении Лернера (М) эта модель актуализируется в форме парадокса, граничащего с абсурдом.

Один из репрезентантов 'богатства' и 'счастливой судьбы / жизни' – деньги, обладающие магнетическим свойством:

«Деньга деньгу наживает (или: родит, кует)». «Деньги – что гальё (галки): всё в стаю сбиваются». «Деньга на деньгу набегает». «Где вода была, там больше будет; где много денег – больше будет»¹¹.

На наш взгляд, исконное представление о магнетизме денег создает основу для кумулятивного развертывания повествования о финансовом успехе Аркадия Лернера (см. МЗ–М4).

ФОЛЬКЛОРИЗМ МИКРОСЮЖЕТА

Рассказ об обогащении Лернера построен по модели «ключевая языковая единица устойчивого и часто воспроизводимого типа (паремия,

афоризм, метафора) – ее нарративизация» и отсылает к басне, назидательной и бытовой сказке. Градационный принцип развертывания паремии восходит к кумулятивной сказке и близким ей прибаутке, небылице, докучным сказкам. Сцепление исходного суждения о бедности и богатстве с серией мотивов, его иллюстрирующих, осуществляется с помощью градационного повтора высказывания, что приводит к заострению его смысла. Повторение пары *лень – деньги* усиливает переход парадокса из области вероятного жизненного сценария в неизбежный, фактически абсурдный. По этому поводу вспоминаются многочисленные высказывания самого С. Довлатова относительно абсурдности мира, что иногда абсолютно серьезно истолковывается исключительно как проявление его увлечения экзистенциализмом. На наш взгляд, это скорее генетически унаследованная автором часть русского культурного кода, включающая и традиционный фольклор, в котором не только отдельные мотивы и сюжеты, но и целые жанры основаны на комической парадоксальности и абсурдности (небылицы, небывальщины, докучные сказки, скоморошины, пародии на былины и пр.).

МЗ.1. СЛУЧАЙНЫЙ УКУС НЬЮФАУНДЛЕНДА (ВРЕДИТЕЛЬСТВО) → ПРИОБРЕТЕНИЕ БЛАГ (ПОЛУЧЕНИЕ ДЕНЕГ Д1)

Случайность как компонент концепта ‘судьба’ актуализируется комически, как несоответствие причины и следствия: во-первых, в форме вредительства, то есть негатива, дарующего в конечном счете благо; во-вторых, как пустяк, влекущий за собой также неожиданные, но масштабные и позитивные последствия [9: 243]. Таким образом запускается механизм кумулятивного развертывания С+ и, соответственно, приумножения денег / богатства.

Обратимся к возможным фольклорным мотивным и сюжетным параллелям. Наиболее близкая среди них – тип сказочного сюжета, где превращение ущерба в выгоду, которая с лихвой его компенсирует, возможно при условии, что случай, как агент судьбы, в какой-то момент может быть благосклонен к герою. В качестве примеров укажем на сказки-небылицы «Удалой батрак»¹² и «Дурак и береза»¹³. Уточним, что речь идет не о буквальном воспроизведении сказочно-небыличной мотивики, а о следовании одной из схем построения смехового фольклорного сюжета – несоизмеримости причин и следствий, доведенной до крайности с помощью кумуляции. Комичность мотива укуса собаки в полной мере осознается ретроспектив-

но, после того как читатель проходит по всей цепи мотивов чудесного обогащения героя, которой, как кажется, нет конца.

МЗ.2. СТАРЫЙ ДОЛГ, ВОЗВРАЩЕННЫЙ ГЕРОЮ КАК НАСЛЕДНИКУ ЕГО ДЕДА, ЗАЕМЩИКОМ (Д2)

С известной осторожностью можно говорить о реанимации архетипического мотива / сюжета о (благодарном) предке-дарителе. Как и в предыдущей паре мотивов, комический эффект возникает при включении данной группы мотивов в цепь счастливых (для героя) неожиданностей, за которыми стоит С+.

МЗ.3. ПОЛУЧЕНИЕ ДЕНЕГ ПОСЛЕ СМЕРТИ ИХ ВЛАДЕЛЬЦА

Финансовая удачливость предстает как невольное присвоение чужого богатства в результате смерти его первоначального обладателя, но без какого-либо участия субъекта-бенефициара. Благоприобретение (ДЗ) актуализируется в рамках криминального дискурса, где «помощником» при получении чужих денег по иронии судьбы оказывается криминалитет. Цепочка с семантикой приращения благ пополняется еще одной парой мотивов и, соответственно, усилением комического начала.

МЗ.4. ПРИУМНОЖЕНИЕ БОГАТСТВА

Пассивность героя-бенефициара временно нарушается: он покупает квартиру (Тэ, Б4). Дальнейшее приращение богатства происходит уже при участии героя, проявляющего активность (продажа квартиры и покупка трех новых – Тэ, Б6/Д6), но при исходной определяющей роли внешних сил (благоприятная для собственников ситуация на рынке недвижимости – Б5/Д5). Подорожание квартир мы бы описали с помощью экономической метафоры «невидимая рука рынка». Заметим, что эта антропометрическая метафора (согласно типологии Лакоффа и Джонсона) основана на представлении об определенной иррациональности рынка, его субъектности и внеположенности человеку, что роднит его с ‘судьбой’. Ближайшими аналогами этого блока мотивов являются, например, сказки типа «По щучьему велению» и «Счастье по случаю», где приобретение благ по восходящей (в том числе бездельником, дураком, то есть «героем, не подающим надежд») происходит с участием случайно появившегося дарителя, помощника, помощника-дарителя или волшебного средства, но при условии, что герой проявляет хотя бы минимальную активность и смекалку. На наш взгляд, не будет натяжкой рассматривать куплю-продажу квартиры как современную эко-

номическую актуализацию мотивов получения и использования чудесных предметов.

М4. АПОФЕОЗ ПРИУМНОЖЕНИЯ БОГАТСТВА

Мотив покупки на гаражной распродаже (барахолке) «железного вентилятора», оказавшегося «утраченным шедевром модерниста Керико», замыкает цепь счастливых случайностей. С точки зрения фольклориста, железный вентилятор и квартира – современные рыночные актуализации фольклорных чудесных предметов, приносящих удачу и богатство. Учитывая фоновые знания о цене рыночно привлекательных произведений искусства, этот финал можно воспринимать как апогей финансового успеха героя. Очевидно также, что это и ироническая реплика автора в сторону рыночно ориентированной части современного искусства. Комический эффект возникает как ряд несоответствий между сущностью и видимостью. Как и в большинстве кумулятивных сказок, цепь обогащений замыкается веселым финалом.

ЯЗЫК РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ ОБОГАЩЕНИЯ: 'СУДЬБА' И 'РЫНОК'

Анализ мотивов чудесного (то есть пришедшего извне) обогащения Аркадия показывает, что в каждом из них актуализируется определенная стандартная ситуация (фрейм) рыночной экономики. Речь уже шла об аналогии архетипической судьбы и рыночной экономики, или рынка. Добавим, что в экономическом научном (и особенно научно-популярном) дискурсе рыночная экономика определяется как система, в которой преобладает стихийность, что является дополнительным аргументом в пользу сравнения ее с 'судьбой', несмотря на то, что последняя – элемент иной, далекой от рыночной, фольклорной семиотической системы.

Указанные мотивы финансового успеха Аркадия Лернера можно описать в терминах экономического дискурса, включающих метафоры, паремии и профессиональный жаргон, что в известной степени вербализовано в тексте. Так,

М3.1. Лернеру «выплатили значительную денежную компенсацию» за укус ньюфаундленда – *возмещение ущерба, страхование, стартовый капитал*; М3.2. вероятно возросшая сумма возвращенного долга – *доходы по банковскому депозиту*; М3.3. данные на сохранение деньги остаются у Лернера – имплицитно: *криминальная (теневая) экономика, отмывание грязных денег*; просьба знакомого Лернера «не задавай лишних вопросов» – *деньги любят тишину*; М3.4.–5.3.7. купля-продажа квартир, их подорожание – *спрос на рынке недвижимости, рыночная конъюнктура, невидимая рука рынка; правильный выбор рыночной ниши; увеличение прибыли*.

В системе функций В. Я. Проппа рыночная экономика выполняет функцию дарителя – счастливой судьбы, фортуны. При пересечении концептуальных полей 'рынка' и 'судьбы' в ее положительном варианте выстраивается целая парадигма современных актуализаций финансового успеха. Этому рыночному сценарию безудержного накопления материальных благ (имущества, денег) вполне соответствует традиционная русская паремия *деньги идут к деньгам* и сюжетно-композиционная модель кумуляции. Таким образом, наложение элементов двух весьма удаленных во времени и разнотипных дискурсов – рыночного экономического и традиционного этнокультурного – создает предпосылки для создания комического эффекта. Его усиление, как уже упоминалось, сопровождается переходом от парадокса к абсурду.

'ЛЕНЬ', ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ И АССОЦИАТЫ

В связи с активностью – пассивностью Аркадия Лернера обратимся к концепту 'лень' – одному из важнейших в микросюжете. Речь уже шла о том, что пара 'лень' – 'деньги' / 'богатство' намеренно многократно повторяется в сюжете, при этом в минимальной синтагматической близости, что сигнализирует о их сильной смысловой взаимозависимости: лень сопровождает богатство в процессе его приумножения и подчиняется действующему механизму возрастающей градации. Репрезентанты 'лени' в микросюжете включают: однокоренной глагол («ленился»), предикатив от существительного *лень* («ему лень» – безличная конструкция, выражающая иррациональность и бессубъектность), глагол *лежать*, к которому этимологически восходит *лень* («лежал», «пролежал на диване», «пролежал без движения»), а также перифразы *лени* («С дивана он поднимается все реже», «дремлет, отключив телефон»). Семантика лени как *неподвижности* [2] комически дублируется в доходном занятии героя «торговлей *недвижимостью*», закрепляя парадоксальную зависимость достатка от лени. Наконец, обнуление мотива труда / работы Лернера – также косвенный знак лени.

Связь локализации персонажа («диван») с бездельем архетипична и сразу отсылает к Емеледураку, лежащему на печи. Одновременно возникают аллюзии на Илью Обломова, атрибутом которого является диван [14], [18: 67, 89]. Вполне канонической, как с точки зрения русского языка, так и фольклора, является ассоциативная связь лени *со сном* (Лернер «дремлет») и *едой*: рассказ о Лернере (в рамках главы «Сто восьмая улица»)

начинается с того, как он идет за «какой-нибудь диковинной приправой» «к завтраку» (Довлатов: III, 17), и заканчивается тем, что «за двенадцать лет жизни в Америке он приобрел единственную книгу» – «Как потратить триста долларов на завтрак» (Довлатов: III, 20). Подчеркнем, что связь лени с едой зафиксирована в сильных текстовых позициях (начале и конце сюжета) и служит акцентированию главных смыслов. Эротический момент, представленный метонимически у И. А. Гончарова [18: 90], но факультативный для русских сказок, у С. Довлатова обнулен. Другой ассоциат лингвоконцепта 'лень' – *мечтательность* – нюансирует *лень* в русской «наивной» картине мира [5: 344] и в русской классической литературе, где ее диапазон простирается от поэтической лени, предшествующей творчеству [18: 67–78], до реального бездействия [14], [18]. Что касается анализируемого микросюжета, то первоначальная мечта Лернера в Америке «получить работу на телевидении» не сбывается из-за несоблюдения им эмигрантского поведенческого канона (комический парадокс: желание получить искомое и упорный отказ от него с использованием «творческих» аргументов, не соответствующих рыночным понятиям успеха).

С ленью у С. Довлатова связан и *отказ от приобретения книг и их чтения*, вновь отсылающий к Обломову, изначальная утомляемость которого от чтения – сначала серьезного, а затем и газетного – переходит в окончательный отказ. Поскольку пара *лень – отказ от чтения* имеет чисто литературные корни, отметим лишь, что комическое в данном случае создается на базе трансформации духовного в телесное, причем в гиперболизированной форме (имплицитное наличие библиотеки → сведение ее к одному экземпляру-справочнику).

ИМЯ И ФАМИЛИЯ ГЕРОЯ – ТЕКСТ

Е. С. Новик отмечает, что имя сказочного персонажа, пожалуй, единственный его признак, почти не меняющийся на протяжении всего повествования [8: 220]. В своем выводе она опирается на сформулированный О. М. Фрейденберг закон, согласно которому фольклорно-мифологический «герой делает только то, что семантически сам означает». Анализ составного поэтического антропонима **Аркадий Лернер** иллюстрирует этот принцип, степень распространенности которого у С. Довлатова еще не ясна.

Начнем с имени героя. Антропоним **Аркадий** (беззаботный, счастливый) происходит от символа «счастливой страны, населенной беззаботными пастушками и пастушками», каковым

стал топоним Аркадия¹⁴. Здесь важно отметить, что заложенная в имени и символе семантика *беспечности, счастья, вольной жизни* пересекается с семантикой *лени*, сопутствующей истории финансового успеха героя в Америке.

Еврейская фамилия **Лернер** (на идиш *lerner*) означает ученика в еврейском религиозном училище, человека, читающего Тору. Сам же апеллатив *лернер* восходит к немецкому *lernen* – учение, учеба¹⁵. Фамилия Лернер, связанная с чтением и интеллектуальной деятельностью, вполне соответствует первой профессии героя – кинорежиссера, снимавшего «импрессионистские короткометражки» в СССР, то есть привязана к жизни героя на родине. Принимая во внимание жизнь (и работу) персонажа и ее приуроченность к «своему» (родина) и «чужому» (заграница) локасам, можно было бы ожидать противопоставления двух жизней – одной, полной творческого труда (имплицитно – чтения), счастья (в соответствии с его идеалом именно в СССР), другой – ленивой, прозаической, профанной (еда, сон, лежание, отказ от чтения и искусства) (США). Однако очевидная архетипичность такой оппозиции, воспроизводимой в советском идеолого-политическом дискурсе того времени, не подтверждается текстом, что и создает комический эффект, известный как неоправданное ожидание. Правда, следует признать, что осознание этой игры по разным причинам может прийти не сразу, а может и вообще не появиться.

Обозначенная связь имени и фамилии героя с его локализацией в «чужом» и «своем» пространстве подводит нас к изучению одной из главных парадигм прозы С. Довлатова – *родина – заграница*, которая, в свою очередь, доминирует в русской зарубежной / эмигрантской культуре. Наши наблюдения подтверждают выводы И. Н. Сухих о том, что С. Довлатов далек от архетипического противопоставления «своего» «чужому» и отождествления их с «хорошим» и «плохим» или наоборот [12: 219–229]. Показательно, что довлатовское понимание «своего» и «чужого» в своей основе совпадает с тем, как эта пара представлена в русском языковом сознании, где крайние члены градуальной оппозиции (*свой – чужой*) – антонимы, а располагающиеся между ними (*иной, другой*) стремятся к «нейтрализации оппозиции» [11: 94]. Дополним, что при ближайшем рассмотрении актуализация своего и чужого пространства в фольклоре, в частности в сказке, тоже не столь однозначна, о чем еще писал В. Я. Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки» (1946).

Каким образом С. Довлатов работает с архетипической оппозитивной моделью и какие способы ее комической актуализации (включая и обращение к фольклору) он применяет – предмет отдельного исследования. В сюжете с Аркадием Лернером основой, на которой сглаживается и даже снимается противопоставление своего и чужого, труда и лени и т. д., является концепт ‘судьба’ в ее позитивном варианте (удача, богатство, счастье и пр.): она дарует герою богатство независимо от того, трудится он или нет, каков этот труд (высокое искусство или прозаическая торговля недвижимостью, над которыми, впрочем, иронизирует автор-рассказчик). Необходимо учитывать роль фоновых знаний (пресуппозиций) для адекватного восприятия юмора, иронии и других видов комического у С. Довлатова. В истории Аркадия Лернера таковыми являются: мифологемы иной, западной жизни и своей, советской, а также их соответствие реальной жизни; знание постулатов и законов государственной (командной) социалистической экономики и рыночной (капиталистической) и реальное представление о их функционировании; словарь эпохи (в широком его понимании) и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку предварительные наблюдения над фольклорными элементами комического у С. Довлатова даны в начале статьи, ограничимся выводами, относящимися к анализу сюжета (а в нем – микросюжета) об Аркадии Лернере («Иностранка»).

1. Фольклорное начало комического у С. Довлатова связано в первую очередь с фольклорными принципами построения текста и ключевыми этнокультурными концептами, в гораздо меньшей степени – с конкретными мотивами, сюжетами и типами сюжетов. Так, микросюжет об обогащении Аркадия Лернера построен по фольклорной схеме «паремия – ее развертывание в тексте». Функцию тезиса-паремии выполняет высказывание автора-рассказчика о врожденности богатства

и бедности, представляющее собой перифраз положительного варианта концепта ‘судьба’. Комическая актуализация концепта ‘судьба-даритель’, представленного в форме богатства, осуществляется путем педалирования семантики случайного обогащения и минимального участия в нем человека. Главным средством реализации этого выступает мотивно-композиционный повтор в виде восходящей градации, фольклорным аналогом которой является кумуляция как принцип организации ряда русских фольклорных жанров (кумулятивные сказки, байки, прибаутки и т. д.). На этой основе выстраивается индивидуально-авторская концептуализация отношений между ленью (трудом) и богатством, которую можно представить в виде парадокса, граничащего с абсурдом, – *чем больше лени, тем больше богатства*.

2. Цепь мотивов приумножения богатства Лернера можно описать на языке современного экономического рыночного дискурса. Комическое проявляется в том, что рынок (рыночная экономика) со всеми его правилами и законами предстает как современный вариант иррациональной и внеположенной человеку судьбы.

3. Фольклористический подход позволяет проникнуть в глубинный механизм создания комического у С. Довлатова, основанного на генетически наследуемой культурной памяти, включающей фольклорно-мифологическую и языковую традиции. Индивидуально-авторское освоение этой традиции носит трансформационный характер, но при этом протекает в «щадящих» режимах юмора и иронии.

«Деликатная» фольклористичность С. Довлатова активизирует в сознании читателя ключевые, заложенные в его этнокультурном сознании стереотипы и рефлексии по отношению к ним. Сближение кодов адресанта и адресата (будь то читатель или исследователь), как известно, открывает возможность для все более точного восприятия текста, в том числе и распознавания в нем комического.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лойтер С. М. К столетию со дня рождения И. П. Лупановой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 119.
- 2 Орлова Н. А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы и фольклорная парадигма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 23 с.
- 3 Довлатов С. Собрание прозы в четырех томах. Т. 2. СПб.: Азбука – Аттискус, 2017–2018. С. 182 (далее в круглых скобках указана фамилия, через двоеточие том и страница).
- 4 Арьев А. Наша маленькая жизнь // Довлатов С. Собрание прозы в четырех томах. Т. 1. СПб.: Азбука, Азбука-Аттискус, 2018. С. 25.
- 5 Ефимов И. Неповторимость любой ценой // Довлатов С. Собрание прозы в четырех томах. Малоизвестный Довлатов (т. 4). СПб.: Азбука, Азбука-Аттискус, 2018. С. 456.
- 6 Форофонтюва Ю. Л. Концепт судьба и его языковая репрезентация в дискурсе (на материале русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. С. 14–15.

- ⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. Т. I. М.: Прогресс, 1986–1987. С. 182.
- ⁸ Там же. С. 142.
- ⁹ Толстой Н. И. Богатство // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 56–57.
- ¹⁰ Куцкий С. Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность» на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 25 с.
- ¹¹ Даль В. Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 64–67.
- ¹² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1957. С. 429.
- ¹³ Там же. С. 402.
- ¹⁴ Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 376.
- ¹⁵ Что означает фамилия Лернер? [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.toldot.com/life/Inames/Inames_6197.html (дата обращения 10.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выгон Н. С. Фольклорные истоки юмористического мироощущения в русской прозе XX века (Тэффи, М. Зощенко, С. Довлатов, Ф. Искандер) // Человек смеющийся: Сб. науч. статей. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2008. С. 291–299.
2. Еремينا М. А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского ун-та, 2014. 204 с.
3. Ижбаева Г. Р., Мырзагалиева А. С. Концепт «богатство» в паремиологических единицах русского языка // Вестник Волжского университета им. В. М. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 108–114.
4. Курганов Е. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / Сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Звезда, 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: sergeidovlatov.com/books/kurganov.html (дата обращения 10.12.2021).
5. Левонтина И. Б. Homo piger // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 336–344.
6. Лупанова И. П. «Смеховой мир» русской волшебной сказки // Вопросы теории фольклора. Русский фольклор. Т. XIX. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 65–83.
7. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 275 с.
8. Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 214–246.
9. Пропп В. Я. Кумулятивная сказка // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 241–257.
10. Сальмон Л. Механизмы юмора в творчестве Сергея Довлатова. М.: ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 2008. 256 с.
11. Свинкина М. Ю. Градуальная оппозиция «свой – иной, другой, чужой» в русском и немецком языках // Научный диалог. 2016. Вып. 6/54. С. 94–105.
12. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. М.; СПб.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2019. 286 с.
13. Форофонтюв Ю. Л. Концепт «судьба» в ментальном поле русской нации // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 6 (50). С. 241–244.
14. Чавдарова Д. Семантика дивана в русской литературе XIX века // Интериорът във фольклора, литературата, изкуството / културата. Отговорен ред. доц. д-р Дечка Чавдарова. Шумен: Универс. издателство «Епископ Константин Преславски», 2007. С. 60–70.
15. Черняева Н. Актуализация фольклорно-мифологических архетипов в творчестве С. Довлатова // Епископ-Константинови четения. Т. 19. Памет и спомен. Шумен, 2013. С. 59–67.
16. Черняева Н. Концептуализация жизни в сборнике С. Довлатова «Наши» («Жизнь – книга», «Жизнь – путь») // Ракла с културни кодове. Короб културных кодов: Сб. в чест на 65-годишнината на проф. д. ф. н. Дечка Чавдарова. Шумен: Фабер, 2016. С. 289–300.
17. Черняева Н. Г. Философемы экзистенциализма в сборнике С. Довлатова «Наши» (Рассказ о двоюродном брате Борисе) // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сб. научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 20. Т. II. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. С. 294–304.
18. Чавдарова Д. Rus(оист)кият идеал. Концепт *естественост* и автопортретът на руснака в руската литература на XIX век. Велико Търново: Фабер, 2009. 228 с.
19. Черняева Н. Типология и система на комическите персонажи в апокрифната руска проза от 1960–1980-те години // Диалог на литературите в текста на културата (Диалог литератур в тексте культуры). Шумен: Универс. изд-во «Константин Преславски», 2003. С. 163–169.
20. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris: Ed. du Seuil, 1982. 448 p.

Поступила в редакцию 15.12.2021; принята к публикации 29.04.2022

Natalia G. Chernyaeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, University of Economics – Varna (Varna, Bulgaria)
tortue@abv.bg

THE COMIC IN SERGEY DOVLATOV'S PROSE (a folklorist's view)

Abstract. The article addresses the folklore component of the comic in Sergey Dovlatov's prose, the results of its study by literary scholars, and the underrealized potential of the folkloristic approach to the problem. Researchers agree that the folklore origin of the comic in Dovlatov's works is manifested primarily through the writer's referring to a folk anecdote and "marginal" folklore characters (losers, tricksters, lazy people, etc.). The additions elaborated upon in the article include Dovlatov's use of paremias and aphorisms, and their narrativization in the laughing and half-serious-half-laughing modes; the analysis of the ethnocultural concepts behind the paremias playing the key role for Dovlatov ('fate', 'wealth – poverty', 'laziness', etc.); identifying the role of repetitions (in the form of an ascending or descending gradation) both on the verbal and motivational levels; establishing the principles of selecting poetonyms and their function in creating a laughing effect. These provisions are illustrated in the article by the microplot of a story "A Foreign Woman" ("Inostranka") (the story of Arkadiy Lerner's enrichment after emigrating to the USA).

Key words: Sergey Dovlatov, comic, folklorism, ethnocultural concepts, paremia, narrativization, poetonyms, laughter transformation

For citation: Chernyaeva, N. G. The comic in Sergey Dovlatov's prose (a folklorist's view). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):64–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.789

REFERENCES

1. Vygon, N. S. Folklore origins of a humorous attitude in Russian prose of the XX century (Teffi, M. Zoshchenko, S. Dovlatov, F. Iskander). *Homo ridens: Collection of articles*. Moscow, 2008. P. 291–299. (In Russ.)
2. Eremina, N. A. Laziness and diligence in the mirror of the Russian language tradition. Nizhnevartovsk, 2014. 204 p. (In Russ.)
3. Izhbaeva, G. R., Myrzagalieva, A. S. The concept of wealth in paramiological units of Russian language. *Vestnik of Volzhsky University*. 2018;2(2):108–114. (In Russ.)
4. Kurganov, E. Sergei Dovlatov and the line of anecdote in Russian prose. *Sergei Dovlatov: works, personality, fate*. (A. Yu. Aryev, Comp.). St. Petersburg, 1999. Available at: sergeidovlatov.com/books/kurganov.html (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
5. Levontina, I. B. Homo piger. *Zaloznyak, A. A., Levontina, I. B., Shemelev, A. D. Principal ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow, 2005. P. 336–344. (In Russ.)
6. Lupanova, I. P. "The laughing world" of Russian fairy tales. *Issues of the theory of folklore. Russian Folklore*. Vol. XIX. Leningrad, 1979. P. 65–83. (In Russ.)
7. Meletinsky, E. M. The historical poetics of novella. Moscow, 1990. 275 p. (In Russ.)
8. Novik, E. S. The system of characters in Russian magic fairy tales. *Typological research into folklore. Collection of articles in memory of V. Ya. Propp (1895–1970)*. Moscow, 1975. P. 214–246. (In Russ.)
9. Propp, V. Ya. Cumulative fairy tales. *Propp, V. Ya. Folklore and reality. Selected articles*. Moscow, 1976. P. 241–257. (In Russ.)
10. Salmon, L. The mechanisms of humour in Sergey Dovlatov's works. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.)
11. Svinikina, M. Yu. Gradual opposition "own – different, another, alien" in Russian and German languages. *Scientific Dialogue*. 2016;6(54):94–105. (In Russ.)
12. Sukhikh, I. N. Sergey Dovlatov: time, place, destiny. Moscow, 2019. 286 p. (In Russ.)
13. Forofontova, Yu. L. The concept "fate" in the mental sphere of the Russian nation. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2007;6(50):241–244. (In Russ.)
14. Chavdarova, D. The semantics of sofa in the Russian literature of the XIX century. *Interior in folklore, literature and art*. (D. Chavdarova, Ed.). Shumen, 2007. P. 60–70. (In Russ.)
15. Chernyaeva, N. Actualization of folklore and mythological archetypes in Dovlatov's works. *Bishop Constantine Readings*. Vol. 19. Memory and memoirs. Shumen, 2013. P. 59–67. (In Russ.)
16. Chernyaeva, N. The Conceptualization of life in Sergey Dovlatov's collection of short stories *Ours* ("life as a book", "life as a way"). *A box with cultural codes: Collection of articles commemorating the 65th anniversary of Prof. Dechka Chavdarova*. Shumen, 2016. P. 289–300. (In Russ.)
17. Chernyaeva, N. The philosophemes of existentialism in Sergey Dovlatov's collection of short stories *Ours* (Story about Cousin Boris). *Issues of translation theory, practice and didactics. Series "Language. Culture. Communication"*. Issue 20. Vol. II. Nizhny Novgorod, 2017. P. 294–304. (In Russ.)
18. Chavdarova, D. Russ(eau)istic ideal. The concept of *naturalness* and self-portrait of a Russian person in the Russian literature of the XIX century. Veliko Tarnovo, 2009. 228 p. (In Bulg.)
19. Chernyaeva, N. Typology and system of comic characters in apocryphal Russian prose from the 1960s to the 1980s. *Dialogue of literatures in the text of culture*. Shumen, 2003. P. 163–169. (In Bulg.)
20. Genette, G. *Palimpsestes. La littérature au second degré*. Paris, 1982. 448 p.

Received: 15 December, 2021; accepted: 29 April, 2022